

Мост в Терабитию

Автор:

[Кэтрин Патерсон](#)

Мост в Терабитию

Кэтрин Патерсон

Почти взрослые книги

Имя американской писательницы Кэтрин Патерсон широко известно за пределами Соединенных Штатов. Ее литературное мастерство было отмечено огромным количеством международных и национальных наград в области детской литературы, среди которых медаль Х. К. Андерсена, премия А. Линдгрена и две медали Ньюбери. Писательница находит в себе смелость говорить о таких «неудобных» вещах, как боль, непонимание, одиночество и даже смерть. Истории Патерсон не всегда хорошо заканчиваются, но они всегда проникнуты надеждой. Именно такие книги помогают юному человеку взрослеть.

Десятилетний Джесси Эронс здорово рисует, только мало кто об этом знает. Родители едва сводят концы с концами – им не до фантазий сына, а сестры, если проведают, примутся донимать насмешками. Но вот однажды у Джесси появляется новая соседка – его сверстница Лесли Бёрк. Она совсем не такая, как остальные его одноклассники: и одета странно, и телевизора у нее нет. Зато она знает кучу разных историй и с ней можно разговаривать о чем угодно. И даже вместе отправиться в сказочную страну – Терабитию...

В этой пронзительной и мудрой книге речь идет о мужестве быть самим собой и о том, как тяжелая утрата помогает стать сильнее и обрести собственный путь. В 1978 году за роман «Мост в Терабитию» Кэтрин Патерсон была награждена самой почетной премией США в области детской литературы – медалью Ньюбери.

Кэтрин Патерсон

Мост в Терабитию

© Н. Трауберг (наследник), перевод, 2016

© А. Власова, иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Джесси Оливер Эронс-младший

«Ба-рум, ба-рум, ба-рум, ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти». Так. Отец заводит пикап. Вот уже вроде уехал. Теперь можно вставать. Джесс выскользнул из постели прямо в комбинезон. Рубашку он презрел – едва начав бегать, он распарится, как шкварки на сковородке, даже если утро будет прохладным; презрел и обувь, потому что подошвы ног стали твердые, как ношенные кеды.

– Куда ты, Джесс? – Мэй Белл приподнялась спросонья на двуспальной кровати, где спала вместе с Джойс Энн.

– Ш-ш-ш-ш, – поднял он палец к губам. Стены были тонкие. Мать будет злиться, как увязшая в меду муха, если они разбудят ее в такое время.

Он потрепал Мэй Белл по головке и подтянул сползшее одеяло к ее маленькому подбородку.

– Я только на коровий выгон, – шепнул он.

Мэй Белл улыбнулась и зарылась под одеяло.

– Бегать будешь?

– Может быть.

Само собой, он будет бегать. Все лето, каждый день, он вставал спозаранку именно для того, чтобы бегать. Он рассчитал, что, если упорно тренироваться – а Бог свидетель, что он тренируется! – можно уже в начале учебного года бегать быстрее всех в классе. Он просто обязан стать самым быстрым – не просто быстрым и не «очень-очень», а первым, лучшим из лучших.

Он на цыпочках вышел из дома. Половицы разохлись и хриловато взвизгивали, едва поставишь ногу, но Джесс обнаружил, что, если ходить на цыпочках, они только стонут, и обычно выходил во двор, не разбудив ни матери, ни Элли с Брендой, ни Джойс Энн. Мэй Белл – другое дело. Ей шел седьмой год, и она его боготворила, а это иногда и неплохо. Когда ты единственный мальчишка среди четырех девчонок и две старшие тебя презирали с тех пор, как ты не разрешаешь себя наряжать и катать в ржавой кукольной коляске, а самая маленькая плачет, чуть на нее зыркнешь, приятно сознавать, что кто-то тебя боготворит. Но иногда – и неловко.

Он припустил рысцей через двор. Из рта выходили облачка пара, для августа было прохладно. Правда, еще рано. К полудню, когда он потребуется маме по хозяйству, будет ничего.

Мисс Бесси сонно пялилась на то, как он перебирается через кучу мусора, прыгает через изгородь и выбегает на выгон. «Му-у-у», – сказала она, сонными карими глазами напоминая Мэй Белл.

– Привет, Мисс Бесси, – успокоил ее Джесс. – Спи, чего встала.

Мисс Бесси передвинулась туда, где трава свежее, – почти все поле было бурым и сухим – и выщипнула клочок травы.

– Молодец. Ты знай себе завтракай. На меня не гляди.

Джес всегда начинал с северо-западного угла, принимая низкий старт, как бегуны, которых он видел на канале «Широкий мир спорта».

– Марш! – сказал он и сорвался в полет вокруг коровьего выгона.

Мисс Бесси перешла к центру, следя за ним вялым взором и неторопливо жуя. Даже для коровы она не казалась сообразительной, но посторониться с дороги ума у нее хватало.

Соломенно-желтая шляпа больно билась о лоб, руки и ноги летели кто куда. Он никогда не брал уроков бега, но для десяти лет был долговяз, и упорства ему хватало.

А вот начальной школе в Ларк Крик не хватало почти всего, особенно спортивной амуниции, так что все мячи на большой перемене доставались старшим классам. Даже если пятиклассник появлялся с мячом, можно было поспорить, что через полчаса тот окажется у шестиклассника или семиклассника. На сухом центре верхнего поля старшие мальчики всегда играли в мяч, а девочки занимали небольшой сектор для классиков, скакалок и светской болтовни. Так что ребятам из младших классов оставалось только бегать. Они выстраивались в ряд на дальнем конце нижнего поля, а там или одна грязь, или глубокие твердые выбоины. Эрли Уотсон, который бегал плохо, но орал хорошо, командовал: «Марш!» – и все пускались наперегонки до черты, протоптанной ими же на другом конце.

В прошлом году Джесс однажды выиграл – не только первый забег, но и все соревнование. Всего однажды. Но во рту у него остался привкус победы. С того самого дня, когда он пошел в первый класс, он всегда был «этим психом, который вечно выкомаривается». Но вот – это случилось двадцать второго апреля, в понедельник – он их всех обогнал, хотя красная глина проникала в его дырявые кроссовки.

Весь остаток дня и на завтра до самого обеда он был «самым быстрым мальчиком в третьем, четвертом и пятом классе», а учился всего в четвертом. Во вторник опять, как всегда, выиграл Уэйн Петтис. Но в этом году тот перейдет в шестой. До самого Рождества он будет играть в футбол, а потом до июня – в бейсбол с большими мальчиками. Так что шанс опять есть, и Мисс Бесси подтвердит, что в этом году победит Джесси Оливер Эронс.

Джесс сильнее сжал кулаки и, наклонив голову, нацелился на дальнюю изгородь. Он уже слышал, как третьеклассники криками подбадривают его. Они будут лебезить перед ним, как перед рок-звездой, а Мэй Белл лопнет от гордости. Самый быстрый, самый лучший – ее брат. Первоклашкам будет о чем подумать.

Даже отец будет им гордиться. Джесс вписался в поворот. Ему пришлось снизить темп, но он еще немного пробежал по инерции, так накапливают силы. Мэй Белл скажет отцу, и никто вякнуть не посмеет, что это он сам нахвастался. Может быть, отец будет так горд сыном, что забудет, как устал после долгой дороги в Вашингтон и обратно, как целый день вкалывал. Он опустится прямо на пол, и они будут бороться, как раньше. Ей-богу, старик удивится, каким сильным стал сын за последние года два.

Тело молило остановиться, но Джесс понукал его. Он должен показать своей слабой дыхалке, кто из них хозяин.

– Джесс! – это из-за мусорной кучи завопила Мэй Белл. – Мама говорит, иди покушай. Подоить сможешь позже.

А, черт! Выходит, он забегался. Теперь все узнают, что он уходил, и примутся его отчитывать.

– Иду! – Он на бегу развернулся и взял курс на мусорную кучу. Не сбиваясь с ритма, он перепрыгнул изгородь, перемахнул через кучу, отвесил Мэй Белл подзатыльник («У-у-у-у!») и припустил к дому.

– Да-а-а уж, погляди-ка на этого олимпийца, – сказала Элли, ставя на стол две чашки с таким стуком, что выплеснула крепкий черный кофе. – Вспотел, как мул колченогий.

Джесс откинул с лица волосы и плюхнулся на деревянную скамейку. Он вывалил в свою чашку две ложки сахара и отхлебнул, чтобы не ошпарить рот.

– О-о-о-о, мамочки, а воняет-то как! – Бренда зажала нос изящно изогнутым мизинчиком и большим пальцем. – Загони его помыться.

– Иди сюда, к мойке, и хорошенько вымойся, – сказала мать, не поднимая глаз от плиты. – Давай шевелись. Овсянка подгорает.

– Мамуль! – захныкала Бренда. – Не на-адо!

Боже мой, как он устал. Буквально все мускулы ныли.

– Ты слышал, что мама сказала? – завопила Элли у него за спиной.

– Мамуль, я не могу-у! – ныла Бренда. – Скажи ему, чтобы он сюда не садился.

Джесс лег щекой на нетесаное дерево столешницы.

– Джесс-си-и! – Теперь уже мать смотрела на него. – И рубашку надень.

– Да, ма. – Он поплелся к мойке. Вода, которой он побрызгал подмышки и лицо, кололась, как лед. По горячей коже поползли мурашки.

Мэй Белл стояла у кухонной двери и глядела на него.

– Подай-ка мне футболку, Мэй Белл.

Вроде бы она изговилась сказать «фиг тебе», но проговорила: «По голове бить не надо» – и покорно пошла за футболкой. Добрая старая Мэй Белл. Джойс Энн до сих пор бы вопила от такого легкого тычка. От этих малявок одно горе.

– У меня сегодня утром забот полон рот, – объявила мать, когда они съели овсянку с мясной подливкой. Его мать была родом из Джорджии и готовила так, как там принято.

– Ой, мамуленька! – хором запищали Элли с Брендой. Эти девчонки умели отлынивать от работы быстрее, чем кузнечик проскочит между пальцами. – Мамуль, ты обещала, что разрешишь нам съездить в Миллсбург за школьными покупками.

– Да у вас денег нет!

– Мамуль! Мы только посмотреть. – (Ой, господи, только бы Бренда перестала так скулить!) – А как же Рождество? Ты же не хочешь, чтобы мы остались без никаких развлечений!

– Совсем без развлечений, – поправила ее Элли.

– Ох, заткнись ты!

На Элли это не подействовало.

– Мисс Тиммонс за нами заедет. Я сказала Лолли, что ты не против. Теперь мне что ж, звонить ей, что ты передумала?!

– Ну ладно. Но у меня для вас нет никаких денег.

«Совсем нет денег», – прошептал кто-то в голове у Джесса.

– Я знаю, мамуленька. Мы только возьмем ту пятерку, которую нам обещал папа.

– Какую еще пятерку?!

– Ой, мамуль, ты же помнишь! – Голос у Элли был слаще батончика «Марс». – Папа на прошлой неделе говорил, что девочкам надо что-то купить для школы.

– А ну вас, берите, – сердито сказала мать, достала с полки над плитой старый виниловый бумажник и отсчитала пять сморщенных бумажек.

– Маму-уль! – опять завелась Бренда. – А можно еще один? Чтобы у каждой было по три?

- Нет!

- За два пятьдесят ничего не купишь. Одну пачечку тетрадок, которые пойдут на...

- Нет!

Элли шумно встала и начала убирать со стола.

- Твоя очередь мыть посуду, Бренда, - громко сказала она.

- О-о-о-о!

Элли огрела сестру ложкой. Джесс перехватил ее взгляд. Бренда перестала выть полунакрашенным ртом. Она была глупее Элли, но все-таки знала, что маминым терпением злоупотреблять не стоит.

Значит, мыть посуду опять придется ему. Мать никогда не заставляла работать малявок, хотя, если исхитриться, можно спихнуть что-то на Мэй. Он снова привалился щекой к столу. Утренний бег доконал его. Каким-то вторым слухом он слышал рев старого «бьюика» («Маслица требует», - сказал бы отец) и веселое жужжание по ту сторону двери. Это Элли с Брендой болтали с семьей Тиммонсами.

- Ладно, Джесс. Встань, не ленись. У Мисс Бесси вымя, наверное, уже землю скребет. А тебе еще собирать бобы.

«Не ленись»! Это он-то ленится? Он позволил своей голове еще минутку полежать мертвым грузом.

- Джесс-си-и!

- Да, мам. Иду, иду.

Именно Мэй Белл пришла к нему на бобовую грядку сообщить, что в бывший дом Перкинсов на соседней ферме вселяются какие-то люди. Да, у самой двери там стоял контейнер, из этих двойных, огромных. У новых жильцов вещей хватает! Но долго они не задержатся. Перкинсов дом – один из тех старых, ветхих деревенских домов, в которые въезжают, когда некуда деться, и выселяются поскорее. Позже он думал, как странно получилось, что это было важнейшее событие в его жизни, а он на него чихать хотел, будто ничего не произошло.

Вокруг его потного лица и потных плеч вились мухи. Он кидал бобы в корзину и молотил их обеими руками. «Кинь мне футболку, Мэй Белл». Мухи – это тебе не какой-то контейнер.

Мэй Белл поскакала в конец грядки, подобрала его футболку с того места, куда он ее положил, и вернулась, держа ее вытянутой рукой.

– О-о-о-о, как воняет! – сказала она Брендиным голосом.

– Да заткнись ты, – огрызнулся он и вырвал у нее футболку.

Глава вторая

Лесли Бёрк

Элли с Брендой к семи не вернулись. Джесс управился с бобами и помогал матери их консервировать. Она никогда этим не занималась, кроме тех случаев, когда от жары совсем уж нельзя было стряпать. Настроение у нее, само собой, было жуткое, она весь день орала на Джесса и так устала, что не могла даже приготовить ужин.

Джесс смастерил себе и младшим сестрам сэндвичи с арахисовым маслом, и, поскольку на кухне было все еще жарко и она до тошноты пропахла бобами, они

втроем пошли есть во двор.

Контейнер все еще стоял у дома Перкинсов, но вокруг никого не было видно, и Джесс решил, что разгрузку закончили.

– Надеюсь, у них есть такая девочка, как я, – сказала Мэй Белл. – А то мне играть не с кем.

– А Джойс Энн?

– Ну прям! Она малявка, вот она кто.

У Джойс Энн задрожали губы. Потом ее коротенькое тельце дернулось, и она истошно заорала.

– Кто там дразнит ребенка? – взвыла мать из-за двери.

Джесс тяжело вздохнул и сунул свой последний сэндвич прямо в распахнутый рот Джойс Энн. Она широко раскрыла глаза, но рот захлопнула, чтобы не потерять неожиданный дар. Может, теперь он получит хотя бы минуту покоя.

Он вошел в дом, притворив за собой дверь, и проскользнул за спиной матери, покачивающейся в качалке перед телевизором. В комнате, которую Джесс делил с младшими, он порылся под матрасом и вытащил блокнот и карандаши. Потом лег на живот и стал рисовать.

Рисовал он так, как иные пьют. Рисунок начинался в мозгу и впитывался в усталое, напряженное тело. Ох, как он любил рисовать! Чаще всего – животных, и не просто животных – например, Мисс Бесси, – а дурацких каких-то, ненормальных. Почему-то ему нравилось ставить своих зверей в немыслимые ситуации. Вот гиппопотам только что сорвался со скалы и летит кувырком – это можно понять по клубящимся линиям – прямо в море, из которого торчат пучеглазые, удивленные рыбы. Над гиппопотамом – не над головой, она внизу, а над задницей – плавают пузырь, на нем написано: «Ой, я очки забыл!»

Джесс заулыбался. Если он решит показать это Мэй Белл, придется объяснить, в чем шутка, но уж тогда она будет ржать, как публика в телешоу.

Он бы не прочь показать рисунки отцу, но вряд ли осмелится. Еще в первом классе он сказал, что, когда вырастет, будет художником. Ему казалось, что отец обрадуется, а нет – он удивился. «Чему вас только учат в этой школе! Старые метелки делают из моего сына какого-то...» Он не сказал, кого именно, но Джесс понял, о чем речь. Это и через четыре года не забудешь.

А хуже всего, что его рисунки не нравились учителям. Застукав его за «этой мазней», они начинали вопить, что он зря расходует время, бумагу, талант. Вопили все, кроме учительницы музыки, мисс Эдмундс. Только ей он осмеливался что-то показать, хотя она преподавала в школе всего год и только по пятницам.

Мисс Эдмундс была одной из его тайн. Он был в нее влюблен. Не так глупо, как Элли с Брендой, когда хихикают по телефону или долго молчат в трубку, а по-настоящему, слишком глубоко, чтобы об этом говорить и даже думать. У нее длинные черные волосы и синие-синие глаза. На гитаре она играет, как самая настоящая рок-звезда, а голос у нее мягкий, нежный, просто дух захватывает. Ой, господи, какая красивая! И хорошо к нему относится.

Однажды прошлой зимой он показал ей один рисунок. Сунул в руку после уроков и убежал. В следующую пятницу она попросила его остаться на минутку, а потом сказала, что у него «недюжинный талант», и понадеялась, что он его не растратит. Это значило, подумал Джесс, что она считает его просто замечательным. Нет, не из тех, кого хвалят в школе или дома, а другим, особенным. Эти мысли он спрятал глубоко внутри, словно пиратское сокровище. Он был богат, очень богат, но пока никому не дано знать об этом, кроме той, кто, как и он, вне закона – Джулии Эдмундс.

– Она что, хиппи? – сказала мать, когда Бренда, в прошлом году еще семиклассница, описала ей мисс Эдмундс.

Может, и хиппи, кто ее знает, но Джесс видел в ней прекрасное дикое создание, запертое на время в ржавой и грязной клетке школы – возможно, по ошибке, – и надеялся, даже молился, чтобы она оттуда не улетела. Он умудрялся вытерпеть целую школьную неделю ради получаса в пятницу, после обеда, когда они усаживались на потертый соломенный мат, покрывавший пол в учительской (больше нигде было разместить инструменты), и пели всякие песни – «О, мой воздушный шарик!», «Эта страна – твоя страна», «Я – это я, а ты – это ты», «Только ветер знает ответ» и, по настоянию директора мистера Тёрнера, «Боже,

благослови Америку».

Мисс Эдмундс играла на гитаре, а детям разрешала играть на треугольнике, цимбалах, тамбуринах и барабане. Все учителя поголовно ненавидели пятницы, а многие ученики пытались им подражать.

Но Джесс-то знал, какие они гады. Фыркающая «хиппи» и «борец за мир», хотя вьетнамская война давно кончилась и хотеть мира опять хорошо, дети смеялись над ненакрашенными губами мисс Эдмундс и ее джинсами. Она, конечно, была единственной учительницей в школе, носившей брюки. В Вашингтоне и его модных пригородах, даже в Миллсбурге, это в порядке вещей, но здесь – какие-то задворки моды. Здесь годами не могут принять то, что в любом другом месте, сверившись с ТВ, охотно взяли на вооружение.

И вот ученики начальной школы просиживали за партами всю пятницу, с трепетом предвкушения слушая радостный шум, доносящийся из учительской, а потом проводили свои полчаса с мисс Эдмундс, очарованные ее дикой красотой, замороженные ее пылом, и наконец шли домой, делая вид, что им наплевать на какую-то там хиппушку в обтягивающих джинсах, но без помады.

Джесс молчал. Защищать мисс Эдмундс от несправедливых и лицемерных нападок не имело смысла. Кроме того, она была выше их глупостей, они ее не трогали. Но едва представлялась возможность, он выкрадывал по пятницам несколько минут, чтобы просто постоять рядом с ней и послушать мягкий голос, заверяющий его, что он молодец.

«Мы похожи, – говорил себе Джесс, – я и мисс Эдмундс, прекрасная Джулия». Слова прокатывались в его сознании, как перезвон гитарных аккордов. «Мы с ней – не отсюда». Она как-то сказала ему: «Ты – как алмаз из поговорки, неотшлифованный алмаз» – и прикоснулась к кончику его носа своим намагниченным пальцем. А на самом деле это она – алмаз, нет, бриллиант на пустыре, среди мусора.

– Джес-си!

Он сунул блокнот и карандаши под матрас и лег ничком. Сердце его колотилось о покрывало.

В дверях стояла мать.

- Ты подоил уже?

Он спрыгнул с кровати:

- Как раз собираюсь.

Он пронесся мимо нее и, прежде чем она успела спросить, чем он занимался, схватил ведро у мойки, скамеечку у двери и выскочил во двор.

Со всех трех этажей старого Перкинсова дома ему подмигивали огни. Стемнело. Вымя у Мисс Бесси набухло, и она нервничала. Надо было подоить ее два часа назад. Он сел на скамеечку и стал доить. Внизу, по шоссе, пронесся случайный грузовик с включенными фарами. Скоро вернется и отец, и эти девки, как-то умудрявшиеся развлекаться, оставляя на него с матерью все хлопоты по дому. Интересно, что они купили. Чего бы он не отдал за новый блокнот настоящей рисовальной бумаги и набор фломастеров! Цвет ложится на лист быстрее, чем ты к нему прикоснешься. Куда там школьным карандашам, на которые надо нажимать со всей силы, пока кто-то не скажет: «Ой, сейчас сломаешь!»

Машина сворачивала к дому. Это Тиммонсы. Девицы опередили отца, вернулись первыми. Джесс слышал их счастливые крики, стук закрываемой дверцы. Для них будет готов ужин, и когда он, Джесс, вернется с бидоном молока, то увидит, как они резвятся и болтают, а мать даже забыла, что устала и намучилась. Ему одному приходится выдерживать ее настроения. Порой он чувствовал себя среди всех этих женщин совсем одиноким – единственный петух и тот не вынес, а другого еще не завели. Отца с рассвета до самой ночи нет дома, и никто не знает, как он там. Выходные ничем не лучше. Отец за неделю так уставал, что, если не работал по дому, дремал перед телевизором.

- Эй, Джесс!

Это Мэй Белл. Да уж, дитя бессловесное! Подумать и то не даст.

- Чего тебе опять?

Она на глазах уменьшилась вдвое и потупилась.

- Да так, кое-что сказать.

- Тебе давно пора быть в постели, - сказал он, злясь на себя за то, что ее отшил.

- Элли с Брендой приперлись.

- Вернулись. Приехали.

Почему он всегда к ней цепляется?

Но ее новости были слишком хороши, чтобы это заметить.

- Элли купила себе блузку, через которую все видно, и мамуля делает ей втык.

«Неплохо», - подумал он, а вслух сказал:

- А что тут веселого?

«Ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти, ба-ри-пи-ти».

- Папуля! - ликующе воскликнула Мэй Белл и понеслась к шоссе. Джесс глядел, как отец останавливает пикап и наклоняется, чтоб открыть дверцу для Мэй Белл. Он отвернулся. Везет же людям! Ей можно бегать за отцом, обнимать его, целовать.

У Джесса просто сердце болело, когда отец поднимал малышню и сажал себе на плечи или, нагнувшись, обнимал их. Ему казалось, что его считают слишком большим с самого рождения.

Когда бидон наполнился, он похлопал Мисс Бесси по боку, чтобы она ушла. Сунув скамеечку под мышку, он бережно, чтоб не расплескать ни капли, понес тяжелый бидон домой.

– Поздновато подоил корову, сынок? – вот все, что сказал ему отец за целый вечер.

На следующее утро его не подняли даже звуки разогреваемого пикапа. Не совсем проснувшись, он уже чувствовал, как страшно устал. Мэй Белл, опершись на локоть, подтрунивала над ним из кровати.

– Ну что, побежишь сегодня? – спросила она.

– Нет, – ответил он, откинув одеяло. – Полечу.

Дело в том, что устал он больше, чем обычно. Он представил, что впереди Уэйн Петтис и отстать нельзя. Ноги несли его по неровной почве, он все сильнее молотил руками по воздуху. «Берегись, Уэйн Петтис, – выдавил он сквозь зубы. – Я тебя достану. Тебе меня не побить».

– Если ты так боишься коровы, – раздался голос, – почему бы не залезть на изгородь?

Он застыл в воздухе, как стоп-кадр в телике, обернулся, едва не потеряв равновесия, чтобы увидеть, кто же говорит. Существо это сидело на изгороди у самого дома Перкинсов и качало голыми загорелыми ногами. У него были короткие волосы. Или у нее? Он бы не смог точно сказать, мальчик это или девочка.

– Привет, – сказала существо, кивнув на дом Перкинсов. – Мы только что сюда въехали.

Джесс стоял как вкопанный. Существо, соскользнув с изгороди, подошло к нему.

– Я думаю, мы могли бы дружить, – продолжало оно. – Тут никого больше нету.

«Девочка», – решил он. Несомненно девочка, хотя бог его знает, почему он так решил. Она была примерно его роста – нет, чуть ниже, что он с удовлетворением отметил, когда она подошла.

– Меня зовут Лесли Бёрк.

Вот, даже имя – из тех, что годится обоим полам! Но теперь он был уверен в своей догадке.

– В чем дело?

– А?

– Что-то не так?

– Да. Нет. – Он ткнул большим пальцем в сторону своего дома, потом смахнул со лба волосы. – Меня зовут Джесс Эронс.

Жаль, эта девчонка не того возраста, что Мэй Белл.

Он кивнул ей.

– Пока.

Он свернул к дому. Бегать сегодня не стоит. Лучше подоить Мисс Бесси, и дело с концом.

– Эй! – Лесли стояла посреди выгона, закинув голову, подбоченясь. – Куда ты?

– Работать надо, – ответил он через плечо. Когда он вышел снова с бидоном и скамеечкой, ее уже не было.

Глава третья

Быстрее всех в пятом классе

Больше Джесс не видел Лесли Бёрк, разве что издали, до первого дня учебного года, выпавшего на следующий вторник, когда мистер Тёрнер привел ее к миссис Майерс в пятый класс начальной школы.

Лесли, как и тогда, была в обрезанных выцветших джинсах и синей майке. На ногах у нее были кеды без носков. Класс чуть не лопнул от удивления. Все были в легких воскресных костюмах. Даже Джесс надел единственный пиджак и отутюженную рубашку.

Ее не беспокоило, как это примут. Она стояла перед классом, разинувшим рты, а глаза ее говорили: «Ну вот, друзья мои, и я». Миссис Майерс тем временем гадала, куда же всунуть лишнюю парту. Класс был маленький, располагался в полуподвале, и пять рядов по шесть парт заполняли его до отказа.

– Тридцать одна, – бормотала миссис Майерс, трясая двойным подбородком, – тридцать одна. А во всех других классах не больше двадцати девяти. – Наконец она додумалась поставить парту к боковой стене, спереди.

– Пока пусть стоит здесь... э-э... Лесли. Этот класс ужасно переполнен. – И она бросила многозначительный взгляд на мистера Тёрнера.

Лесли тихо ждала, пока семиклассник ходил за лишней партой и ставил ее к радиатору, под первым окном. Не поднимая шума, она отодвинула ее на несколько дюймов от радиатора и только тогда села. А потом обернулась еще раз, чтобы поглядеть на новых соучеников.

Тридцать пар глаз вдруг уперлись в свои парты. Джесс обвел указательным пальцем сердце с двумя парами инициалов – БР+СК, – пытаясь разгадать, чью парту он унаследовал. Наверное, Салли Кох. Девочки в пятом классе вырезали больше сердечек, чем мальчики. Хотя БР – это, скорее всего, Билли Радд, а все знали, что прошлой весной он отдавал предпочтение Мирне Хаузер. Конечно, эти инициалы могли вырезать раньше, а тогда...

– Джесси Эронс, Бобби Грегс, раздайте всем учебники арифметики... пожалуйста.

С последним словом миссис Майерс одарила всех своей знаменитой первосентябрьской улыбкой. В старших классах говорили, что она улыбается только в первый и в последний день учебного года.

Джесс нехотя поднялся и вышел к доске. Когда он проходил мимо Леслиной парты, она улыбнулась и пошевелила пальцами наподобие волны. Он кивнул. Как-никак, было жаль ее. Наверное, очень неловко сидеть впереди всех, когда ты одета иначе, чем другие, да еще в первый день учебного года, да еще в новой школе.

Он стал раздавать книги, как велела миссис Майерс. Когда он проходил мимо, Фалчер схватил его за руку: «Побежишь сегодня?» Джесс кивнул. Гарри хрюкнул. «Он думает, кретин, что сможет меня обскакать!» При этой мысли что-то екнуло у Джесса внутри. Он знал, что сейчас в лучшей форме, чем весной. Черт с ним, пусть думает, что победит, раз уж Петтис в шестом, а он, Джесс, преподнесет Фалчеру ма-а-ленький сюрпризец. Чувство было такое, как будто он проглотил стаю кузнечиков. Быстрее бы! Сколько можно ждать?

Миссис Майерс следила за раздачей учебников с таким видом, словно она – президент Соединенных Штатов, только и занимающийся бессмысленными подписаниями и церемониями. Джесс вдруг догадался, что и ей не меньше их хотелось отсрочить подальше учебный год. Раздав учебники, он достал лист бумаги. Ему хотелось сделать целый альбом рисунков. Надо выдумать главного героя и сочинить про него историю. Попробуем взять всяких животных и придумать им имена. Хороший заголовок – уже полдела. «Гиппопотам-гипнотизер»? Ничего, звучит. «Кровавый крокодил»? Еще лучше. Или так: «Дело дородного дракона». Неплохо.

– Что ты рисуешь? – Гарри Фалчер наклонился над его партой.

Джесс прикрыл лист рукой.

– Ничего.

– Ну, не будь жилой. Дай глянуть.

Джесс покачал головой.

Гарри попытался оторвать его руку от бумаги.

– «Дело дородного...» Ну дай, Джесс! – шептал он. – Я ничего не испорчу. – Он нажал Джессу на большой палец.

Джесс прикрыл лист обеими руками и наступил Фалчеру на ногу.

– У-яяя!

– Мальчики! – С лица миссис Майерс сошла улыбка, напоминавшая пирог с лимонным вареньем.

– Он наступил мне на ногу.

– Сядь на свое место, Гарри.

– Да он же...

– Сядь! Джесс Эронс, еще один писк с твоей парты, и ты проведешь перемену в классе. Переписывая словарь.

Лицо у Джесса горело от стыда. Рисовальная бумага соскользнула под парту, а он скорбно поник головой. Вот так теперь целый год. Вот так еще восемь лет. Вряд ли он это выдержит.

Свой ленч дети ели за партами. Графство уже двадцать лет обещало школе столовую, но каждый раз не хватало денег. Джесс так старался не пропустить перемену, что жевал свой сэндвич с колбасой, плотно сжав губы и глядя на сердечко с инициалами. Вокруг него жужжали сплетни. Вообще-то, за ленчем разговаривать не разрешалось, но это был первый день, и даже Майерс Драконья Глотка изрыгала меньше пламени, чем обычно.

– Она простоквашу ест! – Через парту от него не покладая языка трепалась Мери Лу Пиплз, занимавшая среди пятиклассников второе место по стервозности.

– Дура ты, это йогурт! Ты что, телик не смотришь? – возражала Ванда Кей Мур, сидевшая прямо перед Джессом.

– Ну!

Господи, почему они не могут оставить людей в покое? Почему Лесли Бёрк не может лопать то, что ей нравится?

Он забыл, что старается есть аккуратно, и громко отхлебнул молока. Ванда Мур обернулась, скорчив рожу:

– Джесси Эронс! Какой отвратительный звук!

Он тяжело на нее взглянул и отхлебнул еще раз.

– И сам от-вра-ти-тель-ный!

Д-р-р-р-дзинь! Звонок на перемену.

Мальчики, громко вопя, кинулись к дверям.

– Все мальчики немедленно садятся.

О господи!

– Девочки строятся и идут на игровую площадку. Пропускаем вперед дам.

Мальчики затрепетали на краешках парт, как мотыльки, пытающиеся высвободиться из кокона. Неужели она никогда не разрешит им выйти?

– Хорошо. Теперь, если вы, мальчики... – Они не дали ей переменить решение. Она еще не окончила фразу, а они уже были на полпути к концу поля.

Пара, прибежавшая первой, чертила носками кроссовок финишную линию. Почва размокла после прошедших дождей, но из-за засухи позднего лета зачерствела, так что ничего не вышло, черту провели палкой. Пятиклассники, раздувшись от

сознания своей значительности, гоняли ребят из четвертого то туда, то сюда, тогда как малышня пыталась включиться в игру просто так, без спроса.

– Сколько нас побежит, ребята? – спросил Фалчер.

– Я! Я! Я! – завопил каждый.

– Это слишком много. Первые, вторые, третьи классы не бегут, кроме обоих Батчеров и Тимми Возна. Так что не путайтесь под ногами.

Младшие классы пригорюнились, но послушно отступили.

– Так. Остается двадцать шесть, двадцать семь – стойте прямо, – двадцать восемь. Насчитал двадцать восемь, Грег? – спросил Фалчер у своей тени, Грега Уильямса.

– Ровно двадцать восемь. Теперь вот что. У нас, как всегда, будут четвертьфиналы. Рассчитайтесь по четыре. Сперва бежит одна четверка, потом другая...

– Знаем, знаем! – нетерпеливо орали ребята, перебивая Гарри, возмнившего себя Уэйном Петтисом этого года.

Джесс попал в четвертую четверку, что ему вполне подходило. Он очень хотел сорваться с места, но неплохо и посмотреть, как берут старт другие. Среди первых, конечно, был Фалчер, он всегда лез вперед. Джесс ухмыльнулся ему в спину, сунул руки в карманы и пошевелил указательным пальцем в обнаружившейся там дырке.

Фалчер легко победил в первом забеге, и у него вполне хватало сил на то, чтобы верховодить, готовя второй. Кое-кто из младших отчалил на склон между нижним и верхним полем, чтобы поиграть в «царя горы». Увидев краем глаза, что кто-то по склону спускается, Джесс отвернулся и сделал вид, что слушает визгливые команды Гарри.

– Привет! – услышал он сзади голос Лесли Бёрк и чуть-чуть отодвинулся, что-то буркнув в ответ.

– Разве ты не бежишь?

– Я позже.

Может, если на нее не смотреть, подумал он, она уйдет на верхнее поле, где ей и место.

Фалчер приказал Эрли Уотсону дать старт. Джесс смотрел, как они бегут. Ничего особенного. Спины пригнулись, подола рубашек выскочили из брюк.

К финишу пришли одновременно Джимми Митчел и Клайд Дил. Все побежали туда, рассмотреть получше. Джесс понимал, что Лесли Бёрк – рядом, но по-прежнему на нее не глядел.

– Клайд, – решил Фалчер. – Первым пришел Клайд.

– Нет, они вместе пришли, – возразил кто-то из четвертого. – Ничья.

– Клайд, и все тут.

Джимми Митчел не сдался:

– Нет, я! Ты оттуда не видел.

Но Фалчер гнул свое:

– Клайд. Мы зря тратим время. Третьим приготовиться.

Джимми сжал кулаки.

– Это нечестно!

Фалчер отвернулся и направился к старту.

– Пускай потом снова бегут, – громко сказал Джесс. – Делов-то!

Фалчер остановился и взглянул сперва на Джесса, потом – на Лесли.

– Ты еще скажи, – глумливо процедил он, – чтоб девчонки бежали!

Джесс вспыхнул.

– А чего? – Он повернулся к Лесли. – Побежишь?

– Конечно. – Она улыбнулась. – А чего?

– Как, Фалчер, не боишься девчонку пустить?

Ему показалось, что сейчас он получит в зубы. Он застыл. Только бы Гарри не догадался, что ему страшно! Однако тот побежал трусцой к третьим, стал строить их в линию.

– Побежишь с четвертыми, Лесли, – сказал Джесс так, чтобы Фалчер услышал его раньше, чем займется мальчишками.

«Вот, – подумал он. – Порядок! Я не хуже Фалчера».

В забеге легко победил Бобби Миллер. Он был одним из лучших, почти как Гарри. «Но хуже меня», – подумал Джесс. Он уже всерьез раззадорился. Среди четвертых никто не мог его обогнать. Хорошо бы напугать Фалчера прямо в первом забеге.

Лесли встала справа от него. Он чуть-чуть подвинулся влево, она вроде бы не заметила.

Как только дали старт, он ринулся вперед. Все радовало его, даже жесткая почва под подошвами старых кроссовок. Дышал он хорошо и просто чувствовал, как удивился Гарри Фалчер. Ребята орали громче, чем при первых забегах. Может быть, они заметили. Ему хотелось оглянуться и посмотреть, где другие, но он сдержался (еще подумают, что выпендривается!) и сосредоточенно глядел вперед. Финишная линия приближалась с каждым шагом. «Ой, Мисс Бесси, Мисс Бесси, видела бы ты меня!»

Он ощутил это раньше, чем увидел. Кто-то его обгонял. Он приналег; смутно различил кого-то краем глаза; тот вырвался вперед. Он собрал все силы. Дышать было больно, пот заливал глаза, но «кого-то» он не видел, пока выцветшие обрезанные джинсы не пересекли линию на целых три фута раньше, чем он.

Лесли повернулась к нему, улыбаясь во все свое загорелое лицо. Он резко остановился и молча перешел не то на рысь, не то на шаг. Сегодня он должен был стать чемпионом, самым лучшим бегуном четвертого и пятого класса, а не победил и в первом забеге. Никто не кричал и не радовался. Мальчишки были ошеломлены не меньше его. Конечно, потом они будут дразниться, это уж точно, но сейчас – молчали.

– Так, – сказал Фалчер, стараясь говорить деловито. – Так, ребята. Стройтесь к последнему забегу. – Он подошел к Лесли. – Ну, порезвилась, и хватит. Иди поиграй в классики.

– Я же выиграла забег, – сказала она.

Фалчер набычился:

– Девчонки тут не бегают. Гони-ка лучше наверх, пока какой учитель не увидел.

– Я хочу бежать, – спокойно сказала она.

– Мало тебе?

– Ты чего? – просто булькая от гнева, спросил Джесс. – Ты чего это, а? Испугался?

Фалчер замахнулся кулаком, Джесс отскочил в сторону. Он знал, что теперь придется разрешить, чтобы она бежала. И Фалчер это знал, как ни бесился.

Она победила – его, Джесса. Она пришла первой и, обернувшись, глядела сияющим взглядом на потные, ошеломленные лица. Прозвенел звонок. Джесс шел через нижнее поле, засунув руки в карманы. Она его нагнала. Он вынул руки и неспешно побежал к холму. Да, подложила свинью, нечего сказать! Она не отставала.

– Спасибо, – сказала она.

– А?

(Интересное дело! За что спасибо-то?)

– Только с тобой и можно водиться в этой собачьей школе.

Кажется, голос у нее дрожал, но он не стал ее снова жалеть.

– Что ж, водись, – ухмыльнулся он. Позже, в автобусе, он сделал то, чего никогда не думал делать, – сел рядом с Мэй Белл. Иначе рядом плюхнулась бы Лесли. Ну ничего не понимает! Он уставился в окно, но знал, что она вошла и села через проход.

Она сказала: «Джесс», но из-за шума он мог и не слышать. На остановке он схватил сестру за руку и вытащил, прекрасно зная, что Лесли идет за ними. Больше она с ним не заговаривала и пошла прямо к Перкинсову дому.

Он не удержался, оглянулся. Она не шла, а бежала, словно ей вообще свойственно бегать, а не ходить; и он почему-то вспомнил, как летят осенью дикие утки. Так это изящно, что ли... Ему припомнилось слово «плавно», но он тряхнул головой и поспешил к себе.

Глава четвертая

Правители Терабитии

Из-за того что уроки в школе начинались в первый вторник после Дня труда, эта неделя получилась короткой, и слава богу, потому что каждый день был хуже

предыдущего. Лесли на переменах по-прежнему бегала наперегонки с мальчиками и всякий раз выигрывала. К пятнице многие мальчики из четвертого и пятого класса даже отсеялись, ушли играть в «царя горы» на склон меж двух холмов. Бегунов осталось всего ничего, так что отпали и предварительные забеги, что значительно уменьшило волнение. Какой уж тут интерес! И все из-за нее, из-за Лесли.

Джесс понял, что ему не быть лучшим бегуном четвертого и пятого класса, а утешало его лишь то, что не станет им и Фалчер. В пятницу снова устроили состязания, но, когда те закончились и победила Лесли, каждый понял, что забегам пришел конец и говорить тут не о чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/paterson_ketrin/most-v-terabitiyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)